

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

«Университетский вопрос» в 1866–1884 гг.

В статье рассматривается судьба университетского устава 1863 г. Отмечается, что устав был компромиссом между либеральными веяниями 1860-х гг. и позицией петербургской бюрократии, он постоянно нарушался руководителями Министерства народного просвещения и попечителями учебных округов. Подчеркивается, что ахиллесовой пятой устава 1863 г. оставался «студенческий вопрос», что советы университетов были не в состоянии его решить по причине превращения студентов в «отдельных посетителей» университетов и в силу перегруженности академическими, административно-финансовыми и инспекционно-карающими функциями. В статье рассматривается завершение процесса либерализации университетов и вызванный активизацией студенческого движения отход от компромиссной платформы устава 1863 г. Изучаются конструктивные и деконструктивные тенденции решения «университетского вопроса» в правительстве, академических кругах, прессе. В проблемно-хронологической последовательности излагаются нормативно-правовые акты, свидетельствующие о вторжении власти в правовое пространство университетов. Делается вывод об очередном повороте в академической политике царизма в сторону огосударствления «цитаделей» отечественной науки и ослаблении корпоративных прав «ученого сословия» России.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, попечитель учебного округа, университетский устав 1863 г., университетское самоуправление, совет университета, конструктивные и деконструктивные тенденции решения «университетского вопроса», студенческие беспорядки, прекращение процесса либерализации университетов, усиление власти попечителя, отход от компромиссной платформы устава 1863 г., комиссия для разработки нового университетского устава, полемика по «университетскому вопросу» в прессе.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

"University Question" in 1866–1884

In the article the destiny of the University Charter of 1863 is considered. It is noted that the Charter was a compromise between liberal trends of the 1860-s and a position of Petersburg bureaucracy, it was constantly broken by heads of the Ministry of National Education and trustees of educational districts. It is emphasized that Achilles' heel of the Charter of 1863 there was "a student's question" that councils of Universities weren't able to solve it because of transformation of students into "certain visitors" of universities and overload with academic, administrative and financial and inspection punishing functions. In the article completion of the process of liberalization of universities and withdrawal caused by activation of the students' movement from a compromise platform of the Charter of 1863 is considered. Constructive and deconstructive tendencies of the solution of "the University question" in the government, the academic circles, the press are studied. In the problem – chronological sequence the normative legal acts testifying the invasion of the authorities in legal space of universities are stated. The conclusion about the next turn in the academic policy of tsarism towards nationalization of "citadels" of the Russian science and weakening of the corporate rights of "the scientific estate" of Russia is drawn.

Keywords: The Ministry of National Education, a trustee of the educational district, the University Charter of 1863, University self-government, Council of University, constructive and deconstructive tendencies of the solution of "the University question", students' disorders, termination of the process of liberalization of Universities, strengthening of the power of the trustee, withdrawal from a compromise platform of the Charter of 1863, the Commission to develop a new University charter, polemics on "the University question" in the press.

В наших статьях, опубликованных в 2012–2013 гг. в данном журнале, анализировались проблемы влияния уставов 1804, 1835 и 1863 гг. на жизнь российских императорских университетов в контексте внутренней политики Александра I, Николая I и Александра II. Целью этой статьи является попытка рассмотрения судьбы устава 1863 г., двадцатилетний период действия которого завершился принятием нового университетского устава в 1884 г.

Университетский устав 1863 г., определивший судьбу главных российских научных и просветительских центров на ближайшие двадцать лет, не отличался совершенством. Он был уязвим по многим позициям. В предыдущих публикациях [11, с. 18–31; 12, с. 17–35] мы уже обращали внимание на то, что в уставе не были четко определены полномочия попечителей университетских центров и жестко санкционированы пределы их власти, и если в Московском университете

вмешательство попечителя в процесс самоуправления саботировалось ректором и советом [4, с. 168, 178, 196–213], то в периферийных «цитаделях науки» ситуация была другой. Здесь попечители продолжали оставаться «высшими руководителями» [4, с. 57]: они могли наложить veto на чтение преподавателями публичных лекций, откладывать утверждение в должности доцентов, ходатайствовать перед императором об отстранении неугодных профессоров от преподавания и даже «удалении» их от всех видов государственной службы [21, с. 228, 229, 232]. Министерские чиновники, руководившие учебными округами, выражали недовольство и по поводу расширения полномочий ректоров, которые отныне могли противопоставлять свои обязанности прерогативам власти попечителей, что создавало конфликтные ситуации в «храмах науки».

Министры просвещения (А. В. Головин [4, с. 169], Д. А. Толстой [20, с. 55]), пользуясь своим правом определять кадровую политику университетов (гл. V. Отд. I, § 42. В. № 1, 2)¹, не раз предлагали наиболее последовательным апологетам университетского законодательства оставлять кафедры, принимать отставки и, кроме того, рассылали по учебным округам секретные распоряжения, затрудняющие опальным преподавателям получение работы в образовательных учреждениях России [4, с. 225–227; 21, с. 229, 231].

Нередки были случаи, когда руководители Министерства народного просвещения самовольно нарушали положения устава, не считаясь с новыми правами университетов. Как правило, они вмешивались в процедуру избрания профессоров [4, с. 225–227], заменяя результаты тайного голосования директивным назначением на вакантные должности [21, с. 232, 233]. Хотя объяснением их волюнтаристских действий служила острая нехватка академического персонала, попирающие законных механизмов пополнения профессорской коллегии ставило под сомнение авторитетность университетских советов и поощряло массовые отставки ученых, выразивших своим уходом протест незаконному вторжению в правовое пространство «академического сословия».

Рост влияния советов в ущерб другим звеньям университетского самоуправления, по отзывам некоторых современников, также выглядел неправомочным², так как превращение совета в средоточие академической, административно-финансовой, инспекционно-карающей деятельности ослабляло, по их мнению, значение других

органов университетской власти, например, правления и суда. Их функции на деле превращались в фикцию власти из-за чрезмерно раздутых полномочий совета, руководившего и контролирующего работу всех прочих управленческих структур.

Ахиллесовой пятой устава 1863 г. оставался «студенческий вопрос»³, самостоятельно решить который профессора были не в состоянии. Этому мешало, во-первых, превращение студентов в «отдельных посетителей» университетов, в нравственном отношении не зависевших от лекторов и научных руководителей. Во-вторых, ответственность за исправное выполнение возложенных на преподавателей возросших управленческих обязанностей, выходящих за пределы руководства научной деятельностью и учебным процессом на факультетах, также препятствовала сближению участников академической деятельности.

Названные недостатки объясняются тем, что устав 1863 г. «являлся компромиссом между либеральными веяниями 60-х гг., прежними университетскими порядками и стремлениями бюрократических петербургских кругов». Отсюда проистекала «неудовлетворенность всех и желание внести в устав изменения» [6, с. 68]. Противники преобразований Александра II критиковали новое университетское законодательство за неприемлемую для самодержавной России автономию университетов, ослабление управленческой вертикали: влияние министра и попечителей – и предлагали усилить правительственный контроль за учащими и учащимися. Большая часть профессуры, осознавая, что устав не был безупречен, все же имела «полные основания надеяться, что время и опыт, при помощи необходимых частичных исправлений устава, дадут университетам возможность войти в нормальную колею и приведут к установлению в них прочного порядка: учебного, административного и дисциплинарного – и общего благоустройства» [9, с. 190].

Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. Прозвучавший в апреле 1866 г. выстрел Д. Каракозова в Александра II стал поворотным моментом в истории университетов⁴. Все надежды на сохранение самоуправления университетской корпорации были опрокинуты; привилегии «ученого сословия», в очередной раз обвиненного в пагубном влиянии на молодежь через распространение «лжеумствований», могли отныне только урезаться и сокращаться.

Восстановление прямого правительственного вмешательства в дела университетов и укрепление едва пошатнувшихся централизованного государственного управления и административного произвола в «университетском вопросе» связаны с именами двух руководителей Министерства народного просвещения: Д. А. Толстого (1866–1880) и И. Д. Делянова (1882–1897). Рассмотрим, как им удалось пресечь процесс либерализации университетской жизни и подготовить среду для ликвидации тех оказавшихся зыбкими и недолговечными достижений устава 1863 г., которые определяли взаимоотношения университетов и власти.

Новые веяния в политике Министерства народного просвещения первыми испытали на себе студенты университетов, значительная часть которых в глазах правительства выглядела подверженной «пагубным лжеучениям», отравленной нигилизмом и страдающей «расшатанностью умов». «Стремления к умствованиям» юношей, «дерзновенно посягающих» на российские святыни: «религиозные верования... покорность закону... уважение к установленным властям» – казались и Александру II предвестниками политической смуты. Поэтому в своем рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров П. П. Гагарина император дал особые указания лицам, ответственным за воспитание молодежи: не допускать «ни явного, ни тайного проповедания тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа» [5, с. 483]. Монаршая воля стала для нового руководителя Министерства народного просвещения, графа Д. А. Толстого, сохранившего и пост обер-прокурора Священного Синода, руководящим началом и программой действий в отношении исправления университетского устава 1863 г. «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка» [5, с. 483].

В августе 1866 г. он полностью одобрил разработанные Особой комиссией под председательством своего заместителя И. Д. Делянова «Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств». Ректоры университетов и директора высших учебных заведений, входившие в состав комиссии, определили взаимные обязанности учебного начальства и полиции по надзору за студентами, согласились при-

держиваться единства правил и действий в вопросах, касавшихся дисциплины учащихся. Они возложили на себя ответственность извещать полицию о всех сомнительных в нравственном и политическом отношениях лицах, «составляющих самый опасный и ненадежный элемент в университетской молодежи», и постановили запрещать учащимся устраивать всякого рода публичные собрания, даже с благотворительной целью [5, с. 500; 18, с. 63]. «Правила» были рассмотрены в Комитете министров и Высочайше одобрены 26 мая 1867 г. С этого момента в университетской политике начал утверждаться «реакционный курс» [18, с. 63].

В начале 1867/1868 учебного года были введены дополнительные правила о посторонних слушателях университетов. По-прежнему беспрепятственно допуская к слушанию лекций лиц всех состояний, имеющих определенное общественное положение или занятие, новые правила в то же время предписывали непременно условием для всех окончивших курс средних учебных заведений удовлетворительные оценки по главным предметам программы обучения [5, с. 500]. Эта мера должна была сократить число вольнослушателей, нередко пагубно влиявших на образ мыслей вчерашних гимназистов.

Национальный и социальный состав студентов высших учебных заведений, и университетов в том числе, также привлекал внимание правительственных кругов. В 60–70-х гг. были введены ограничения на прием числа студентов-поляков на двадцать процентов и закрыты двери в университетские аудитории воспитанникам духовных семинарий: первых обвиняли в «революционной агитации», не утихавшей и после подавления польского восстания 1863–1864 гг., вторых – в недостатках нравственного воспитания и существенных пробелах в знаниях [5, с. 500, 502].

Идея ограничения приема «недостаточных» студентов, «подающих мало надежды на успешное занятие науками», но создающих серьезные дисциплинарные проблемы, прозвучала в 1869 г. на заседании Особого комитета, созданного по Высочайшему повелению. Члены комитета (в составе руководителей министерств государственных имуществ, финансов, народного просвещения, шефа жандармов и военного министра, а также С.-Петербургского полицмейстера) разработали единые дисциплинарные правила, которые создавали для этих лиц препятствия во время вступительных и переводных испытаний

и, кроме того, затрудняли переход из одних учебных заведений в другие. В правилах содержались и предписания университетской инспекции усилить надзор за студентами [5, с. 501].

Спустя десять лет рекомендация Особого комитета «усилить надзор инспекции» получила законодательное оформление. В ответ на массовые студенческие беспорядки 1869, 1874 и 1878 гг. Д. А. Толстой добился через Комитет министров разрешения составить, «не стесняясь действующим уставом университетов», новую инструкцию для университетской инспекции. В представлении этой инициативы Комитету министр просвещения заявлял, что многолюдным профессорским советам не удастся заниматься сразу академическими, административно-полицейскими и судебными делами, потому что «такие коллегии нелегко поддаются какой бы то ни было ответственности за свои действия и, еще более, за свое бездействие» [5, с. 502]. По новому порядку, который отменял действие параграфов 56–59 (Гл. V. Отд. III.) устава 1863 г., университетский суд упразднился, а его обязанности передавались правлению университета. Вся судебная и административно-дисциплинарная власть отныне сосредоточивалась в руках правления и инспекции. Ректор лишался всякого влияния на студенческие дела, что аннулировало действие параграфов 33 (гл. IV) и 42.2–4 (гл. V).

В каждом университете создавалась инспекция, кадровым составом которой управлял попечитель. Инспектор, назначавшийся министром просвещения, провозглашался «очами и ушами правительства», а его главной обязанностью признавалось «подавление всякого зла в его зародыше». С этой целью на инспектора возлагалась функция осуществления контроля за поведением студентов вне академических стен: он должен был посещать жилища студентов, стремиться узнать их характер и наклонности. Средствами воздействия на учащуюся молодежь признавались такие полномочия инспектора, как разрешение или запрещение юношам заниматься репетиторством, назначение стипендий, пособий и льгот [7, с. 111; 20, с. 82].

Профессора призывались к содействию инспекции, а также к точному и строгому выполнению возложенных на них обязанностей, приравненных к несению государственной службы. Члены университетского совета отстранялись от заведования стипендиями и другими льготами для студентов, вопреки статье 42.2 действующего устава, а также лишались права, гарантиро-

ванного параграфом 42.9, распоряжаться специальными средствами, значительная часть которых теперь должна была отчисляться на содержание инспекции [5, с. 502], а не на стимулирование научной деятельности преподавателей и студентов.

Составленные на этих основаниях «Временная инструкция для университетской инспекции», «Правила для студентов» и предложения попечителям учебных округов были высочайше одобрены в ноябре 1879 г. Следовательно, спустя пятнадцать лет после принятия университетского устава 1863 г. наметилась тенденция к его исправлению и даже преодолению: сокращается власть ректора и совета, укрепляются полномочия правления и инспекции, кассируется деятельность суда; пропасть между профессорами-чиновниками на государственной службе и студентами, беспрестанно преследуемыми университетской полицией, углубляется.

Университетские корпорации встретили новый регламент своей жизни в штыки, поэтому он проводился в жизнь очень вяло и неохотно. Руководители университетов в своих отзывах на правила и инструкции отмечали, что они построены на недоверии к университетской корпорации, вносят «раздвоение» в управление учебным и воспитательным процессами, возлагают на инспекцию невыполнимые нравственно-воспитательные обязанности и вооружают ее недостаточными средствами воздействия на студентов [5, с. 610]. Вновь возникшие в университетах волнения доказали, что избранная правительством политика усиления давления на «академическое сословие» и пренебрежение правами студентов не приносят ожидавшихся плодов, поэтому в феврале 1881 г. все противозаконные санкции в отношении университетов были отменены, а с приходом в министерство нового главы, барона А. П. Николаи (март 1881 – март 1882), действующий устав восстанавливался в полной силе. В своих циркулярах попечителям учебных округов А. П. Николаи особенно настаивал на строгом соблюдении закона, то есть устава 1863 г., находя в этой мере единственный действенный способ восстановить нарушенный порядок и спокойствие академической жизни [19, с. 98]. Даже новые студенческие беспорядки, произошедшие в июне 1881 г., не заставили министра отказаться от поддержки либерального университетского законодательства, хотя и он был вынужден рекомендовать университетским

советам принять более жесткие правила в отношении бунтующих учащихся.

Помимо актов грубого прямого воздействия на «опасный и ненадежный элемент в университетской молодежи» при помощи инструкций и правил, Министерство народного просвещения попыталось найти более гибкие и продуктивные способы улучшения организации академической жизни учащихся высшей школы.

Еще в 1869 г., когда вновь пробудилась активность студентов столичного университета⁵, правительство начало изыскивать средства, способные предотвратить политические беспорядки с участием университетской молодежи. Д. А. Толстой предложил тогда университетским советам обсудить меры «привлечения студентов к серьезным занятиям под руководством преподавателей, так как одно пассивное слушание лекций не может быть признано достаточным для достижения целей университетского учения» [18, с. 59]. Университеты откликнулись на эту благородную инициативу министра, и в учебных программах достойное место заняли «семинарии», прочно вошедшие в образовательный процесс на всех факультетах, включая гуманитарные отделения.

Еще одна идея, направленная на снятие напряжения в академическом пространстве, была предложена управляющим Министерством народного просвещения А. А. Сабуровым (апрель 1880 – март 1881) и его ближайшим помощником – военным министром Д. А. Милютиным. Осенью они подготовили записку на имя Александра II, в которой отмечали, что студенты «с вредным направлением» мыслей в каждом университете составляют незначительное меньшинство (что вряд ли соответствовало истинному положению дел⁶), но они твердо сплочены, тогда как «лучшие и благоразумные» разрознены, и правительство поэтому лишено возможности воздействовать даже на эту наиболее надежную и перспективную часть учащейся молодежи. Министры критиковали правила и инструкции 1879 г., которые, по их мнению, были направлены лишь на соблюдение внешнего приличия, но не могли восстановить связь студентов с «самим университетом» и тем более позволить правительству воздействовать хотя бы на лучший отряд учащейся молодежи. Озабоченные состоянием дел в «рассадниках просвещения», министры просили императора вернуть студенческим коллективам корпоративное устройство и некоторые права самоуправления: разрешить создание касс

взаимопомощи, дешевых столовых, суда чести; позволить сходки по группам и курсам при неукоснительном контроле за их проведением со стороны ректора; не препятствовать выбору делегатов – уполномоченных «по предметам учебного дела». Они даже советовали оказывать студентам содействие в «приискании занятий», способных отвлечь их от крамольных мыслей и пагубных поступков, и укрепить материальное положение юношей.

Александр II утвердил эту записку, в которой содержалось логичное разрешение наболевших проблем и конфликтных ситуаций в академической среде, однако Особое совещание с участием представителей всех ведущих министерств и ведомств, состоявшееся в феврале 1881 г., заняло выжидательную позицию в рассмотрении вопроса об устройстве быта студентов. Тогда учащиеся Московского и Киевского университетов, отчаявшись в возможности решения «студенческого вопроса» официальным порядком, стали явочным путем вводить кассы взаимопомощи, читальни и столовые [8, с. 78–80].

Несколько месяцев идущие вразрез с университетским уставом (гл. VIII, § 100, 102) дерзкие инициативы студентов не пресекались. Правительство терпеливо сносило все выходки студентов, словно боясь нарушить хрупкое равновесие, установившееся во взаимоотношениях власти и университетов. Но наметившиеся были конструктивные тенденции в «университетском вопросе» были прерваны убийством Александра II. Пришедший к руководству Министерством народного просвещения И. Д. Делянов возобновил политику Д. А. Толстого по подготовке нового университетского устава, в котором не могло быть сохранено даже и намека на существование форм студенческого самоуправления.

Восстановленная нами картина отношения российского правительства к студенчеству университетов при «замораживании» либеральных реформ начала 60-х гг. со всей очевидностью доказывает постепенный отход царизма от компромиссной платформы университетского устава 1863 г. Взвалив на профессорские советы груз ответственности за неспособность противодействовать социалистической и революционной пропаганде, террористическим методам борьбы крайне левых, экстремистских молодежных организаций, противники академических свобод начали беззастенчивое вторжение в правовое поле университетов, изменяя структуру и полномочия коллегиальных органов власти, внося кор-

рективы в правила приема студентов, ущемляя права и учащихся, и учащихся университетов. Борьба со студенческим произволом дала им возможность «перекраивать» устав при помощи новых нормативно-правовых установок, что, в свою очередь, продемонстрировало шаткость и незащищенность либеральной платформы университетов. К ее «раскачиванию» противники университетской автономии, среди которых были не только чиновники, но и некоторые представители профессорской корпорации, приступили уже в 1874 г.

Особое совещание министров под председательством статс-секретаря П. А. Валуева, созванное в конце 1874 г. для «коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках», признало главной их причиной внутреннюю организацию университетов [5, с. 501]. Предлагая незамедлительно приступить к реформе университетов, члены совещания подчеркивали, что профессорские коллегии «не обнаруживают должного сознания своих отношений к правительственной власти и не имеют того охранительного такта, который необходим для поддержания внутреннего дисциплинарного строя заведений...» [20, с. 55]. На совещании было признано необходимым ограничить автономию университетских коллегий путем изъятия из их ведения административно-полицейских обязанностей⁷; установить новый порядок пополнения профессорских корпораций⁸; усилить правительственный контроль за преподаванием⁹; ограничить «излишний приток мало подготовленных и материально необеспеченных» [5, с. 501] слушателей¹⁰.

В апреле 1875 г., несмотря на протест со стороны всех университетов [20, с. 55], с Высочайшего соизволения была создана комиссия для разработки нового устава. Ее возглавил статс-секретарь И. Д. Делянов, товарищ министра просвещения Д. А. Толстого. Помимо единомышленников министра: его подчиненных (А. П. Ширинского-Шихматова, А. И. Георгиевского, А. А. Воскресенского, А. М. Гезера), помощника попечителя Киевского учебного округа генерал-майора И. П. Новикова и некоторых профессоров (Н. А. Любимова, К. А. Коссовича, В. М. Флоринского), настаивавших на пересмотре устава 1863 г., в комиссию вошли ректоры всех университетов, деканы физико-математических факультетов С.-Петербургского и Киевского университетов, а также директор Демидовского лицея (г. Ярославль) М. Н. Капустин. Представители специально созданного от-

дела комиссии посетили все российские университеты и произвели выборочный опрос профессоров с целью собрать их откровенные мнения и заявления в поддержку начавшейся компании коренного реформирования университетских порядков.

В прессе вновь началась активная полемика по «университетскому вопросу», развязанная в 1873 г. опубликованной в «Русском вестнике» статьей «По поводу предстоящего пересмотра университетского устава» профессора физики Московского университета Н. А. Любимова. Позже застрельщик дискуссии для выражения своей позиции стал использовать не только редактировавшийся им же «Русский вестник», но и центральные полосы самой популярной в то время газеты его друга, М. Н. Каткова, «Московские ведомости», превратившиеся в рупор Министерства народного просвещения во главе с Д. А. Толстым¹¹ [4, с. 197] – глашатаем и вдохновителем университетской «контрреформы»¹².

Выступив с резкой критикой университетских порядков, установленных уставом 1863 г., Н. А. Любимов с подачи М. Н. Каткова – закусного руководителя всех реформ в системе просвещения в 70–80-х гг. – предложил программу радикальных преобразований управленческого и академического модусов главных научных и просветительских центров России.

Ее суть сводилась к следующему: отменить систему «общей безответственности», царившую в университетских советах; усилить влияние Министерства просвещения на обновление профессорской корпорации; ради распространения «настоящей академической свободы» ввести «германский порядок гонорария» за посещение лекций; составить единую и точную, утвержденную министерством, программу требований к знаниям выпускников; разделить преподавание и прием итоговых испытаний; оживить философское направление для поднятия качества образования; повысить плату для студентов-гуманитариев и размер казенных стипендий для учащихся медицинских и педагогических специальностей [10, с. 66–70].

Нетрудно заметить, как перекликаются отдельные послы Н. А. Любимова, направленные на усовершенствование устава 1863 г., и положения по реорганизации университетов, озвученные Особой комиссией П. А. Валуева. Это сходство свидетельствует о том, что концепция реформирования университетов возникла в академической среде и, благодаря влиятельности

М. Н. Каткова, имевшего возможность напрямую общаться с венценосцами (сначала Александром II, а позже и с Александром III), обрела тот вес и то значение, без которых движение маятника в «университетском вопросе» в сторону, противоположную либеральным веяниям, не могло бы осуществиться.

Большинство предложений Н. А. Любимова вошли в проект нового университетского законодательства, так как их направленность на усиление правительственного присутствия в процессах управления университетами, ужесточение контроля над образовательной деятельностью, восстановление порядка и укрепление дисциплины импонировали и раскаявшемуся в либеральных преобразованиях императору, и его ближайшему окружению, и Д. А. Толстому. Осуществление преобразований управленческой и академической деятельности университетов в этих направлениях рассматривалось панацеей от набиравшего в России силу революционного радикализма. Однако ректоры университетов, входившие в деляновскую комиссию, прочно стояли за сохранение основ устава 1863 г. Расхождения в убеждениях участников комиссии по аспектам административного устройства, организации учебной и научной деятельности, положения студенчества получили отражение в регистрировавших ее работу пятидесяти девяти журналах [20, с. 60]. Острота возникшей дискуссии в очередной раз продемонстрировала сложность принятия компромиссного решения по «университетскому вопросу», обсуждение которого раскололо профессорские коллегии, правительство, прессу на защитников устава 1863 г. и его противников.

Противодействие нажиму Министерства народного просвещения со стороны большинства членов деляновской комиссии во главе с ректорами, возмущение университетских советов и острые нападки либеральной прессы, тем не менее, не смутили Д. А. Толстого, знавшего о прочности своих тылов. В 1879 г. он перешел к решительным действиям, заручившись поддержкой Кабинета министров, М. Н. Каткова и его «клеветов» [4, с. 248, 249] и получив одобрение императора. Как мы уже отмечали, в этом году университеты получили «Временные инструкции» и «Правила для студентов», которые восстанавливали прежние полномочия попечителей учебных округов в ущерб органам университетского самоуправления и заметно расширяли санкции власти инспекции, превращавшейся в

соглядатаев личной жизни студентов. «Правила» не только нанесли удар самостоятельности профессорских коллегий, но и унизили представителей «академического сословия», поставив их служебную карьеру в зависимость от расположения к ним попечителя [20, с. 83]. Скандальный характер этих подзаконных актов, которые следует рассматривать серьезной попыткой аннулирования устава 1863 г., был воспринят в университетской среде как новое наступление министерского произвола, очередная атака бюрократии на гарантированные законом основы университетской жизни. Профессора начали угрожать министерству своим уходом, а наиболее решительные и последовательные апологеты университетской автономии (как, к примеру, профессора Киевского университета Н. Х. Бунге, И. И. Рахманинов) вышли в отставку. Попечитель Казанского университета отказался пользоваться предоставленными ему правами. В С.-Петербургском университете ректор – по согласованию с попечителем – сохранил свое прежнее положение. В Московском и Киевском университетах возмущенные беззаконием начальства студенты возобновили политику саботажа и активных форм протестного движения [7, с. 111; 8, с. 79; 20, с. 84, 85].

Увольнение Д. А. Толстого, явившееся ожидаемой реакцией на новое покушение на Александра II в феврале 1880 г., остановило преобразование университетов на несколько лет, хотя к этому времени проект нового университетского устава уже был готов. Однако временное затишье в «университетском вопросе» было лишь небольшой передышкой, потребовавшейся сторонникам охранительного курса для подготовки радикального перелома на всех магистральных направлениях внутренней политики России, и в сфере просвещения в том числе. Наиболее яркие, знаковые, отличительные положения будущего устава к началу 80-х гг. XIX в. уже были сформулированы. Это, например, хорошо заметно по изменениям в таком фундаментальном для университетов звене, как кадровая политика.

Уже при А. В. Головнине, хотя и высоко чтившем устав 1863 г., началось отступление от ряда его положений в сторону своенравных умонастроений лидеров Министерства народного просвещения. И А. В. Головнин, и Д. А. Толстой вмешивались в работу университетских советов, противопоставляя «диктатуре большинства» свою собственную диктатуру, когда дело касалось выбора профессоров по системе баллотиро-

вания на новый срок. Вопреки уставу (§ 46; 70–72), наперекор решению профессорских коллегий, руководствуясь, помимо производственной необходимости, еще и личными соображениями, главы министерства оставляли в штатах престарелых или недостойных ученых, заставляя университетские советы считаться не с буквой закона, а с результатами их самовольного назначения¹³.

Стремясь замаскировать волюнтаризм и придать своим действиям видимость законности, Д. А. Толстой уже в 1868 г. добился Высочайшего разрешения «назначать собственной властью» на вакантные кафедры профессоров, не избранных советами университетов, если в течение года эти кафедры не были замещены кандидатами по выбору. Это противоречило параграфу 46 (гл. V). В 1869 г. через Государственный совет он провел решение о внесении изменений в параграф 78 действующего устава: для сохранения профессорами и прочими преподавателями места на кафедре по выслуге ими двадцати пяти лет требовалось только абсолютное большинство голосов (как это было и в уставе 1835 г.), а не две трети, как это диктовало университетское законодательство.

В проекте нового устава министр просвещения сохранил за собой первенствующее право назначать профессоров на открывшиеся вакансии и оставлять на службе ветеранов, отработавших четверть века [5, с. 504, 617].

Реформирование всей системы российского образования на классической основе и создание гимназий с двумя профилирующими предметами: греческим и латинским языками – поставили на повестку дня вопрос об ускорении темпов подготовки доцентов и профессоров по греческой и римской филологии. Добиваясь претворения в жизнь идеи создания «единственной школы, ведущей к университету», – классической гимназии, Д. А. Толстой покусился и на процедуру подготовки лиц высшей научной квалификации. В 1872 г. он получил Высочайшее разрешение допускать «учителей древних языков из славян-иностранцев прямо к приобретению ученых степеней магистра и доктора классической филологии без предварительного испытания на степень кандидата» [5, с. 497], что сводило на нет юридическую силу сразу нескольких параграфов устава (94, гл. VIII; 110, 111, 113, 115, 116, глава IX). Вспомним также в связи с этим, что прежде даже имевшие степень доктора «от иностранных университетов» претенденты на

занятие кафедр в Императорских университетах допускались к испытаниям только на степень магистра (§ 113, прим. б).

Хотя форсирование темпов подготовки словесников по древним языкам выдавалось за временную меру, свобода обращения с университетским законодательством в очередной раз продемонстрировала пренебрежительно-вызывающее отношение руководителя Министерства народного просвещения к основному закону жизни флагманов высшего образования в России.

Следовательно, Д. А. Толстой, заинтересованный в пересмотре устава 1863 г., использовал любую возможность для того, чтобы его обойти или скорректировать. Тем самым он создавал прецеденты, ослаблявшие законодательную силу основного кодекса существования университетов. Поправки к уставу в виде дополнений или временных мер, проводившиеся через Кабинет министров, стали новым процессуальным кодом реформирования деятельности университетов, превратились в стиль новых методов руководства Министерством народного просвещения, возглавляемым графом Д. А. Толстым, и в почерк его работы. Ему принадлежала главная роль в возрождении охранительного курса царизма в функционировании системы высшей школы, реставрации политики давления на университеты, и активизация студенческого движения «развязала ему руки», позволив действовать решительно и беззастенчиво, направляя всю мощь министерского влияния и закулисных интриг на ликвидацию «республиканского» устройства университетов, свободы преподавания и науки, мнимой безответственности профессоров за результаты образовательно-воспитательного процесса.

Убийство народовольцами Александра II определило необратимость политики пересмотра университетского законодательства, а назначенный министром просвещения «верный и послушный» И. Д. Делянов [15, с. 276] справился с возложенной на него Александром III миссией «коренной ломки университетской системы» [6, с. 75]. Новый император завершил затянувшийся период колебаний правительственного курса в «университетском вопросе» принятием новой стратегической цели, направленной на ликвидацию чуждых самодержавной монархии общественных завоеваний предыдущего царствования. Среди ложных, противоречивых учреждений

60-х гг., которые внесли «во все отношения властей» и весь «русский быт» путаницу и вызвали

хаос понятий и действий, Александр III назвал земскую, судебную и университетскую реформы. Отказом от их дальнейшего проведения новый российский самодержец сообщал о «своем намерении укрепить верховную власть и ее пошатнувшийся авторитет [15, с. 248, 274]. Решительным заявлением о разрыве с политикой отца и была ознаменована новая стадия подготовки университетского устава.

Следует особо подчеркнуть, что университетская реформа 1884 г. – «по сути контрреформа, поскольку она пересматривала университетский устав 1863 г.» [15, с. 274], стала первым важным событием во внутренней политике нового российского императора. Наряду с усилившимся цензурным гнетом и закрытием либеральных изданий, она превратилась в манифестацию смыслов всей эпохи царствования Александра III (1881–1894).

В мае 1884 г. И. Д. Делянов в очередной раз внес проект университетского устава, подготовленного еще Д. А. Толстым, в Государственный совет. Однако в начале 80-х гг. этот главный «законосовещательный» орган Российской империи состоял не только из ставленников Александра III, назначенных им, вопреки традиции, губернаторов и предводителей дворянства. Здесь заседали отставные министры-«шестидесятники», которые, даже не примыкая непосредственно к либеральной оппозиции, поддерживали реформы предыдущего царствования. Среди них были А. В. Головин, Н. Х. Бунге, К. К. Грот, Д. Н. Замятин, Д. Н. Набоков, Н. И. Стояновский. Либеральные бюрократы, удаленные с министерских постов: А. А. Абаза, М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, – также были противниками университетской «контрреформы». К ним примкнули даже обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев, которого в придворных кругах называли «вице-императором», и государственный секретарь А. А. Половцев [14, с. 185].

Наибольшие разногласия в работе Государственного совета вызвали следующие вопросы: 1) о системе окончательных испытаний; 2) о программе преподавания; 3) о порядке замещения должностей ректоров, деканов и секретарей факультетов; 4) о назначении профессоров по собственному усмотрению министра; 5) о праве профессоров преподавать по нескольким кафедрам; 6) о распределении преподавания по годам и полугодиям; 7) о гонораре, взимаемом со студентов в пользу профессоров [13].

Текст будущего устава «явился своего рода ареной борьбы правительственных группировок»: оппозиция коренной ломке университетского строя подвергла серьезной критике основные положения проекта Д. А. Толстого – И. Д. Делянова. На всех девятнадцати заседаниях Соединенных департаментов законов и государственной экономики защитники проекта оказались в меньшинстве. И. Д. Делянов, М. Н. Островский, П. П. Шувалов, Г. И. Филиппов на фоне блестящих выступлений защитников университетской автономии выглядели довольно жалко. Изменения, внесенные в проект под влиянием большинства Государственного совета, были направлены на сохранение внешних форм самостоятельности ученых советов, ослабление бюрократизации университетов, отказ от предлагавшейся системы выпускных экзаменов [20, с. 138].

В ходе длительного обсуждения были достигнуты компромиссные формулировки многих положений, которые прежде были заявлены в ультимативной форме [6, с. 75; 14, с. 185; 20, с. 142].

Окончательное рассмотрение «университетского вопроса» царь отложил до осени, однако впоследствии переменял свое решение. Желая ввести новый устав в предстоящем 1884/1885 учебном году, Александр III проигнорировал мнение преобладающей части правящих кругов, выбрав по всем пунктам разногласий позицию меньшинства Государственного совета, и 23 августа подписал указ Сенату о введении в действие устава в шести университетах России.

Так завершилась борьба за новое университетское законодательство, определившее судьбу «цитаделей науки» России до 1917 г. Собственное представление самодержца о предназначении университетов, необходимости сильной управленческой вертикали в организации академической жизни, о статусе профессоров как должностных лиц на коронной службе и студентов как отдельных посетителей аудиторий, нуждавшихся в неукоснительном надзоре инспекторов, – нашли свое воплощение в новой нормативно-правовой базе оплотов российского высшего образования. В первой половине 80-х гг. XIX в. в очередной раз по воле монарха произошел разрыв с политикой либеральных преобразований в «университетском вопросе»¹⁴. Текст нового устава был направлен на «огосударствление» университетов, для чего и потребовалось лишить их той урезанной автономии, которой они до этого времени пользовались. Ректор и деканы должны были назначаться министром про-

свещения, который мог пренебрегать и мнением ученых коллегий, утверждая профессоров на освобожденные кафедры. Введение государственных экзаменов должно было поставить под правительственный контроль учебный процесс, а отделение преподавания от выпускных экзаменов, принимавшихся особой комиссией, имело своими целями и создание «казенной интеллигенции», и пресечение злоупотреблений свободой преподавания, в которой подозревались профессора. В целях повышения личной мотивации студентов к результативности образовательной деятельности вводилась дополнительная плата (гонорарий) в пользу преподавателей.

Итак, следуя доводам меньшинства Государственного совета и рекомендациям М. Н. Каткова, заявлявшим о том, что опыту «конституционного режима» в самодержавном государстве не может быть места, Александр III санкционировал решительный поворот в «университетском вопросе» от устава 1863 г. в сторону отказа от курса либеральных преобразований первого десятилетия царствования своего отца.

Библиографический список

1. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 1–43.
2. Головнин, А. В. Записки для немногих [Текст] // ВИ. – 1997. – № 7. – С. 100–120.
3. Никитенко, А. В. Дневник [Текст] : в 3 т. – Т. 3. 1866–1877. – М., 1956.
4. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.
5. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст]. – СПб., 1902.
6. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст]. – М., 2001.
7. Господарик, Ю. П. Министр из команды Александра III: Граф Иван Давыдович Делянов // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 2. – М., 2002. – С. 105–135.
8. Господарик, Ю. П. Поборник «диктатуры сердца и мысли»: Андрей Александрович Сабуров [Текст] // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 2. – М., 2002. – С. 75–84.
9. Капнист, П. А. Университетские вопросы [Текст] // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.
10. Котов, А. Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет [Текст] //

Университетский журнал. – СПб., 2012. – № 2. – С. 63–76.

11. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Университетский устав 1863 года: пределы академического самоуправления [Текст] // ЯПВ. – 2014. – № 4. – С. 18–31.

12. Новиков М. В., Перфилова, Т. Б. Глава V. Проблемы российских университетов в общественно-политической полемике начала 60-х гг. XIX в. // ЯПВ. – 2014. – № 3. – С. 17–35.

13. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Электронный ресурс] / под ред. Е. В. Олесеюка. – Режим доступа: URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>.

14. Петров, Ф. А., Гутнов, Д. А. Российские университеты [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.

15. Твардовская, В. А. Александр III [Текст] // Российские самодержцы. 1801–1917. – М., 1993. – С. 215–306.

16. Трубецкой, С. Н. Университет и студенчество [Текст] // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1987. – Кн. IV. – С. 181–203.

17. Филиппов, М. М. Реформа гимназий и университетов [Текст]. – СПб., 1901.

18. Хотеевков, В. Ф. «Лжегосударственный человек»: Граф Дмитрий Андреевич Толстой [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 35–74.

19. Хотеевков, В. Ф. Последняя капля «оттепели»: Барон Александр Павлович Николаи [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 85–104.

20. Щетинина Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст]. – М., 1976.

21. Эймонтова, Р. Г. Российские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века [Текст]. – М., 1993.

Bibliograficheski spisok

1. Obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 1–43.
2. Golovnin, A. V. Zapiski dlya nemnogikh [Tekst] // VI. – 1997. – № 7. – С. 100–120.
3. Nikitenko, A. V. Dnevnik [Tekst]: v 3 t. – Т. 3. 1866–1877. – М., 1956.
4. Chicherin, B. N. Vospominaniya. Moskovskij universitet [Tekst] / pod red. S. V. Bakhrushina, M. A. TSyavlovskogo. – М., 1929.
5. Rozhdestvenskij, S. V. Istoricheskij obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1802–1902 [Tekst]. – SPb., 1902.
6. Avrus, A. I. Istoriya rossijskikh universitetov: Ocherki [Tekst]. – М., 2001.

7. Gospodarik, YU. P. Ministr iz komandy Aleksandra III: Graf Ivan Davydovich Delyanov // Ocherki istorii rossijskogo obrazovaniya: K 200letiyu Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federatsii: v 3 t. – T. 2. – М., 2002. – S. 105–135.

8. Gospodarik, YU. P. Pobornik «diktatury serdtsa i mysli»: Andrej Aleksandrovich Saburov [Tekst] // Ocherki istorii rossijskogo obrazovaniya: K 200-letiyu Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federatsii: v 3 t. – T. 2. – М., 2002. – S. 75–84.

9. Kapnist, P. A. Universitetskie voprosy [Tekst] // Vestnik Evropy: ZHurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1903. – Т. VI. – S. 167–188.

10. Kotov, A. EН. «Delo professora Lyubimova»: vlast' i obshhestvo v bor'be za universitet [Tekst] // Universitetskij zhurnal. – SPb., 2012. – № 2. – S. 63–76.

11. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Universitetskij ustav 1863 goda: predely akademicheskogo samoupravleniya [Tekst] // YAPV. – 2014. – № 4. – S. 18–31.

12. Novikov M. V., Perfilova, T. B. Glava V. Problemy rossijskikh universitetov v obshhestvenno-politicheskoj polemike nachala 60-kh gg. XIX v. // YAPV. – 2014. – № 3. – S. 17–35.

13. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury [EHlektronnyj resurs] / pod red. E. V. Oleseyuka. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>.

14. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. Rossijskie universitety [Tekst] // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potentsial obshhestva. – М., 2001. – S. 124–199.

15. Tvardovskaya, V. A. Aleksandr III [Tekst] // Rossijskie samodержzhsy. 1801–1917. – М., 1993. – S. 215–306.

16. Trubetskoy, S. N. Universitet i studenchestvo [Tekst] // Russkaya mysl': Ezhemesyachnoe literaturnopoliticheskoe izdanie. – М., 1987. – Кн. IV. – С. 181–203.

17. Filippov, M. M. Reforma gimnazij i universitetov [Tekst]. – SPb., 1901.

18. KHoteenkov, V. F. «Lzhegosudarstvennyj chelovek»: Graf Dmitrij Andreevich Tolstoj [Tekst] // Ocherki istorii rossijskogo obrazovaniya. – Т. 2. – М., 2002. – S. 35–74.

19. KHoteenkov, V. F. Poslednyaya kaplya «ottepeli»: Baron Aleksandr Pavlovich Nikolai [Tekst] // Ocherki istorii rossijskogo obrazovaniya. – Т. 2. – М., 2002. – S. 85–104.

20. SHHetinina G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst]. – М., 1976.

21. EНjmontova, R. G. Rossijskie universitety na putyakh reformy: shestidesyatye gody XIX veka [Tekst]. – М., 1993.

² П. А. Капнист, с 1880 г. выполнявший обязанности попечителя Московского учебного округа, обращал внимание на то, что такие органы университетского управления, как ректор, правление, факультеты, инспекция, превратились в «почти механических исполнителей велений совета. Между тем совет, как по многообразию своего состава (от 80 до 120 членов), так и по разнообразию своего состава, не мог быть ни администратором, ни непосредственным распорядителем, а тем более судьей или заведующим хозяйством. Прочие же органы университетского правления, поставленные в зависимость от совета во всех, даже мелких своих распоряжениях, утратили всякую самостоятельность и инициативу, а равно и чувство ответственности за ход университетских дел...» [9, с. 189, прим.].

Говоря об уязвимости позиции попечителя, П. А. Капнист отмечал, что тот не имел «способов и средств» влиять на университет, поэтому был вынужден либо бездействовать, либо превратиться в «фискала, занимающегося доносами...» [9, с. 189, прим.].

³ «Огромным недостатком этого устава, – писал М. М. Филиппов, – было то, что он не давал никакой организации студенчеству: в этом отношении, – заключал публицист, – он был прямым предшественником жалкого устава 1884 г.» [17, с. 89].

Эту же мысль выражал и князь С. Н. Трубецкой [16, с. 185].

⁴ Об этом сообщает А. В. Головнин: «...вследствие преступления 4 апреля 1866 г. явилась сильная реакция по всем ведомствам, разные полицейские меры, усиление шпионства, доносов и перлюстрации, господство произвола над законностью и стеснение всякой свободы...» Особая комиссия под руководством графа П. П. Гагарина, – далее информирует нас бывший министр просвещения, – искала по всем ведомствам «людей политические неблагонадежных», постоянно «пугала государя и поддерживала в нем всемерно волнение и тревожное состояние... преувеличивая все дурное и вселяя в него большое недоверие к людям...» [2, № 7, с. 115].

О выстреле Д. Каракозова – «вольнослушателя Московского университета» – упоминал и А. В. Никитенко. Потрясенный, как и многие его соотечественники, покушением на жизнь императора, академик в своих мемуарах дал оценку этого злодеяния террориста, зараженного «разрушительным учением исключительного марксизма». Отнеся преступника и его сподвижников – членов широко распространившихся революционных организаций – к «осадкам, подонкам века», А. В. Никитенко ужасался тем, «как глубоко проник умственный разврат в среду нашего общества», «до какой степени изгажено, перепорчено, изуродовано молодое поколение» [3, с. 25, 27, 43].

Говоря о развращенности ума и сердца, отсутствию всяких нравственных убеждений и верований в молодом поколении, А. В. Никитенко, тем не менее, не имел в виду того, что «гнездо нигилизма» находится в университетах. Однако в отчетах III Отделения имелись неопровержимые свидетельства того, что студенты составляют половину молодежи, зараженной разрушительными материалистическими и социалистическими идеями [5, с. 501, прим.]. Это бросало тень и на университеты, и на министра просвещения, допустившего столь непростительный промах, поэтому отставка А. В. Головнина, последовавшая 15 апреля 1866 г. под

¹ Здесь и далее ссылки сделаны на следующее издание: Общий устав Императорских российских университетов // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 1–43.

предлогом создания «другой системы управления министерством», была предпринята [3, с. 27].

⁵ А. В. Никитенко отреагировал на это следующим образом: «Студенты опять начали дуричь, – записал он 6 января 1869 г., – они предъявили свои требования о дозволении сходок и проч.» [3, с. 139].

⁶ Уже в 1873–1877 гг. воспитанники высших и средних учебных заведений составляли 50 % от общего числа лиц, участвовавших в «противогосударственной пропаганде» [3, с. 501, прим.]. В изучаемый нами период это число могло только возрастать, что соответствовало обстановке общественно-политического подъема.

⁷ Это привело бы к изменению содержания или отмене следующих статей устава: гл. II, § 38; гл. IV, § 27–36; гл. V, § 37; 42. А. № 1–10; 50; 51; 56–59; 63; 64.

⁸ Это касалось параграфов 68–73.

⁹ Это требование шло вразрез с параграфом 22. А. 1, 4; Б. № 3–9 (глава II) и параграфом 42. А. 1–5 (гл. V).

¹⁰ Это нарушало права студентов, изложенные в статьях 85, 106–108 (гл. VIII).

¹¹ Б. Н. Чичерин, критикуя М. Н. Каткова за использование грязных приемов оболванивания общественного мнения [4, с. 78, 165, 246], указывает на неблагоприятную роль редакции «Московских ведомостей» в подготовке «безобразной ломки» университетов. В частности, он сообщает: «Начался самый бессовестный поход против университетского самоуправления... Все мелкие дразги и сплетни по всем университетам злобно выводились наружу; факты, по обыкновению, извращались самым бесцеремонным образом. Во всем обвинялся либеральный устав 1863 года... Редакция требовала отмены всех выборных прав, тогда как в самую темную эпоху николаевского царствования правительство не решалось идти далее назначения ректора. Предполагалось отнять у университетов право производить экзамены, которое вверялось назначаемым от правительства комиссиям, что опрокидывало все университетские порядки... Побуждаемое редакцией министерство учредило странствующую комиссию для исследования состояния университетов» [4, с. 248].

¹² Термин «контрреформа» в отношении нового университетского устава был введен в начале XX в. русским историком А. А. Кизеветтером и подхвачен историками советского времени. См., к примеру: [20, с. 246; 21, с. 110].

¹³ Примерами могут служить назначения В. Н. Лешкова [4, с. 169] и П. М. Леонтьева [20, с. 55]. Н. А. Любимова, выслужившего двадцать пять лет, на новое пятилетие в 1877 г. утверждал сам государь [10, с. 73].

¹⁴ Вопрос о степени автономии Императорских университетов, вокруг которого кипели дебаты во второй половине XIX в., никогда не мог быть решен без существенных добровольных уступок царского режима профессорским коллегиям. Однако нужны ли были самодержавию самоуправляющиеся университетские коллегии – эти «гнезда республиканского устройства», не зависевшие от государства?

Суть этой дилеммы хорошо отразил Ю. П. Господарик. Он рассуждает следующим образом: «Безусловно, все проектируемые и проведенные в жизнь в конце 70-х – начале 80-х гг. меры были направлены на ограничение автономии университетов и борьбу с революционным и даже либеральным движением. С этой точки зрения, они могут расцениваться как меры реакционные. С другой стороны, никто ни из современников, ни из последующих исследователей

не обосновал, какой может быть степень автономии государственного учреждения, существующего на бюджетные средства и работающего по государственным программам. В несвободном обществе невозможны свободные университеты» [7, с. 117].